

2.3. На фронтах: главное действующее лицо армии

101. А. И. ДЕНИКИН:

Приехав в Минск, в двух собраниях многочисленных чинов штаба и управлений фронта, потом перед командующими армиями я изложил свой символ веры. Кратко, резко, не помню какими словами, но в таком точном смысле: революцию приемлю всецело и безотврочно. Но революционирование армии, и внесение в нее демагогии, считаю гибельным для страны. И против этого буду бороться по мере сил и возможности, к чему приглашаю и всех своих сотрудников. <...> Я присутствовал в заседании фронтового комитета только один раз, сопровождая генерала Брусилова.

<...> Из трех генералов, командовавших армиями, двое находились всецело в руках комитетов; но так как фронты их были пассивными, то временно можно было потерпеть их присутствие¹.

Наступление готовилось на фронте 10-й армии генерала Киселевского в районе Молодечно. Я поехал осмотреть войска и позиции, познакомиться с начальниками и с частями. <...> Смотрел войска в строю. Видел части, правда, как исключение, сохранившие почти нормальный, дореволюционный вид как по внешним формам, так и по внутреннему строю — в корпусе сурогового, и непреклонно отстаивавшего старую дисциплину Довбор-Мусницкого²; видел большинство частей, — хотя и сохранивших подобие строя и некоторое послушание, но во внутренней жизни своей подобных развороченному муравейнику: после смотра, обходя ряды и беседуя с солдатами, я был буквально подавлен новым для меня настроением, охватившим их: бесконечными жалобами, подозрительностью, недоверием, обидами на всех и на все: на отдельного начальника и корпусного командира, на чечевицу и на долгое стояние на фронте, на соседний полк, и на Временное правительство, за его непримиримое отношение к немцам.

Видел, наконец, и такие сцены, которые не забуду до конца своих дней. <...> В одном из корпусов приказал показать мне худшую часть. Повезли в 703 Сурамский полк. Мы подъехали к огромной толпе безоружных людей, стоявших, сидевших, бродивших на поляне, за деревней. Одетые в рваное тряпье (одежда была продана и пропита), босые, обросшие, нечесанные, немытые, — они, казалось, дошли до последней степени физического огрубения. Встретил меня начальник дивизии с трясущейся нижней губой, и командир полка с лицом приговоренного

к смерти. Никто не скомандовал «смирно», никто из солдат не встал; ближайшие ряды пододвинулись к автомобилям. Первым движением моим было выругать полк и повернуть назад. Но это могли счесть за трусость. И я вошел в толпу. Пробыл в толпе около часу. Боже мой, что сделалось с людьми, с разумной Божьей тварью, с русским пахарем... Одержимые или бесноватые, с помутневшим разумом, с упрямой, лишенной всякой логики и здравого смысла речью, с истерическими криками, изрыгающие хулу и тяжелые, гнусные ругательства. Мы все говорили, нам отвечали — со злобой и тупым упорством. Помню, что во мне, мало-помалу, возмущенное чувство старого солдата уходило куда-то на задний план, и становилось только бесконечно жаль этих грязных, темных русских людей, которым слишком мало было дано и мало поэтому с них взыщется. Хотелось, чтобы здесь, на этом поле, были, видели и слышали все происходящее верхи революционной демократии.

Знакомство со старшими начальниками также не было утешительным. Один командир корпуса вел твердо войска, но испытывал сильнейший напор войсковых организаций; другой боялся посещать свои части; третьего я застал в полной прострации, и в слезах после какой-то резолюции недоверия:

— 40 лет службы. Любил солдата, меня любили, а теперь оплевали. Больше служить не могу.

Пришлось отпустить его. А тут же, за стеной, молодой генерал, начальник дивизии, — вел уже конфиденциальные разговоры с комитетчиками, тотчас же обратившимися ко мне с просьбой, весьма императивной, о назначении молодого генерала командиром корпуса. <...>

<...> Дни шли за днями, а начало наступления все откладывалось. Еще 18 июня я отдал приказ войскам фронта:

«Русские армии Юго-западного фронта нанесли сегодня поражение врагу, прорвав его линии. Началась решительная битва, от которой зависит участь русского народа и его свободы. Наши братья на Юго-западном фронте победоносно двигаются вперед, не щадя своей жизни и ждут от нас скорой помощи. Мы не будем предателями. Скоро услышит враг гром наших пушек. Призываю войска Западного фронта напрячь все силы и скорее подготовиться к наступлению, иначе проклянет нас народ русский, который вверил нам защиту своей свободы, чести и достоиния»...

Не знаю, поняли ли всю внутреннюю драму русской армии те, кто читал этот приказ, опубликованный в газетах, в полное нарушение элементарных условий скрытности операции. Вся стратегия перевернулась вверх дном. Русский главнокомандующий, бессильный

двинуть свои войска в наступление и тем облегчить положение соседнего фронта, хотел, хотя бы ценою обнаружения своих намерений, удержать против себя немецкие дивизии, снимаемые с его фронта, и отправляемые против Юго-западного и против союзников. Немцы откликнулись тотчас же, прислав на фронт прокламацию, в которой говорилось:

«Русские солдаты! Ваш главнокомандующий Западным фронтом снова призывает вас к сражениям. Мы знаем об его приказе, знаем также о той лживой вести, будто наши позиции к юго-востоку от Львова прорваны. Не верьте этому. На самом деле тысячи русских трупов лежат перед нашими окопами... Наступление никогда не приблизит мир. <...> Если же вы все-таки последуете зову ваших начальников, подкупленных Англией, то тогда мы будем до тех пор продолжать борьбу, пока вы не будете лежать в земле»...

Юго-западному фронту предстояло первому испытать боевые свойства революционной армии. 7-го июля началась операция у меня на Западном фронте³. По поводу этой операции Людендорф⁴ говорит:

«Из всех атак, направленных против прежнего Восточного фронта (Эйхгорна), атаки 9 июля, южнее Сморгони, у Крево были особенно жестоки... Положение в течение нескольких дней представлялось очень тяжелым, пока наши резервы и артиллерийский огонь не восстановили фронта. Русские оставили наши траншеи. Это не были уже русские прежних дней».

<...> На солдат июльская трагедия произвела, несомненно, несколько отрезвляющее впечатление. Во-первых, появился стыд — слишком гнусно и позорно было все случившееся, чтобы его могла оправдать даже заснувшая совесть, и сильно притупленное нравственное чувство. <...> Во-вторых, появился страх. Солдаты почувствовали какую-то власть, какой-то авторитет, и поэтому несколько присмирили, заняв выжидательное положение. Наконец, прекращение серьезных боевых операций, и вечно нервного напряжения, вызвало временно реакцию, проявившуюся в некоторой апатии и непротивлении. Это был второй момент в жизни армии (первый — в начале марта), который, будучи немедленно и надлежаще использован, мог стать поворотным пунктом в истории русской революции.

<...> После возвращения моего с фронта в Минск, я получил приказание прибыть в Ставку, в Могилев, на совещание к 16-му июля. Керенский предложил Брусилову пригласить, по его усмотрению, авторитетных военачальников для того, чтобы выяснить действи-

тельное состояние фронта, последствия июльского разгрома и направление военной политики будущего. <...> Положение страны и армии было настолько катастрофическим, что я решил, не считаясь ни с какими условиями подчиненного положения, развернуть на совещании истинную картину состояния армии, во всей ее неприглядной наготе.

Явился Верховному главнокомандующему. Брусилов удивил меня: «Антон Иванович, я сознал ясно, что дальше идти некуда. Надо поставить вопрос ребром. Все эти комиссары, комитеты и демократизации губят армию и Россию. Я решил категорически потребовать от них прекращения дезорганизации армии. Надеюсь, вы меня поддержите?» Я ответил, что это вполне совпадает с моими намерениями, и что я приехал, именно с целью поставить вопрос о дальнейшей судьбе армии, самым решительным образом. Должен сознаться, что этот шаг Брусилова примирил меня с ним, и поэтому я исключил мысленно из своей будущей речи все то горькое, что накопилось исподволь против верховного командования.

Генерал Брусилов обратился к присутствующим с краткою речью, которая поразила меня своими, слишком общими и неопределенными, формами. В сущности, он не сказал ничего. Я рассчитывал, что свое обещание Брусилов исполнит в конце, сделав сводку и заключение. Как оказалось впоследствии, я ошибся — генерал Брусилов более не высказывался. Затем слово было предоставлено мне. Я начал свою речь.

<...> «Вступив в командование фронтом, я застал войска его совершенно развалившимися. Это обстоятельствоказалось странным, тем более, что ни в донесениях, поступавших в Ставку, ни при приеме мною должности, положение не рисовалось в таком безотрадном виде. Дело объясняется просто: пока корпуса имели пассивные задачи, они не проявляли особенно крупных эксцессов. Но когда пришла пора исполнить свой долг, когда был дан приказ о занятии исходного положения для наступления, тогда заговорил шкурный инстинкт, и картина развала раскрылась.

До десяти дивизий не становились в исходное положение. Потребовалась огромная работа начальников всех степеней, просьбы, уговоры, убеждения... Для того чтобы принять какие-либо решительные меры, нужно было во что бы то ни стало хоть уменьшить число бунтующих войск. Так прошел почти месяц. Часть дивизий, правда, исполнила боевой приказ. Особенно сильно разложился 2-й Кавказский корпус и 169 пех. дивизия. Многие части потеряли не только нравственно, но и физически человеческий облик. Я никогда не забуду часа, проведенного в 703-м Сурамском полку. В полках по 8–10 самогонных спиртных заводов; пьянство, картеж, буйство, грабежи, иногда убийства. <...>

Я решился на крайнюю меру: увести в тыл 2-й Кавказский корпус (без 51-й пех. дивизии) и его и 169-ю пех. дивизию расформировать, ли-

шившись таким образом в самом начале операции, без единого выстрела около 30 тысяч штыков. <...>

На корпусный участок кавказцев были двинуты 28-я и 29 пех. дивизии, считавшиеся лучшими на всем фронте... И что же: 29 дивизия, сделав большой переход к исходному пункту, на другой день почти вся (два с половиной полка) ушла обратно; 28 дивизия развернула на позиции один полк, да и тот вынес безapelляционное постановление — «не наступать».

<...> Учесть все то зло, которое внесено было комитетами, трудно. В них нет своей твердой дисциплины. <...> В результате — многоголовие и многовластие; вместо укрепления власти — подрыв ее. И боевой начальник, опекаемый, контролируемый, возводимый, свергаемый и дискредитируемый со всех сторон — должен был властно и мужественно вести в бой войска. <...>

Такая нравственная подготовка предшествовала операции. Развертывание не закончено. Но обстановка на Юго-западном фронте требовала немедленной помощи. С моего фронта враг увел туда уже 3–4 дивизии. Я решил атаковать с теми войсками, которые остались, по виду хотя бы, верными долгу.

В течение трех дней, наша артиллерия разгромила вражеские окопы, произвела в них невероятные разрушения, нанесла немцам тяжелые потери и расчистила путь своей пехоте. Почти вся первая полоса была прорвана, наши цепи побывали на вражеских батареях. Прорыв обещал разрастись в большую, так долгожданную победу...

Но... обращаюсь к выдержкам из описания боя.

«Части 28-й пех. дивизии подошли для занятия исходного положения лишь за 4 часа до атаки, причем из 109-го полка дошло лишь две с половиной роты с 4-мя пулеметами и 30 офицерами; 110-й полк дошел в половинном составе; два батальона 111-го полка, занявших щели, отказались от наступления; в 112-м полку солдаты целыми десятками уходили в тыл... Следовавший за передовыми полками 201-й Потийский полк, подойдя к первой линии наших окопов, отказался идти далее и, таким образом, прорвавшиеся части не могли быть своевременно поддержаны... За четверть часа до назначенного начала атаки правофланговый 114-й полк отказался наступать; пришлось двинуть на его место Эриванский полк из корпусного резерва. По невыясненным еще причинам 116-й и 113-й полки также своевременно не двинулись...»

«Трусость и недисциплинированность некоторых частей дошла до того, что начальствующие лица вынуждены были просить нашу артиллерию не стрелять, так как стрельба своих орудий вызывала панику среди солдат»

Вот другое описание командира корпуса, принявшего его накануне операции, и поэтому совершенно объективного в оценке подготовки ее.

«Успех, крупный успех, был достигнут, да еще со сравнительно незначительными потерями с нашей стороны. Прорваны и заняты три линии укреплений; впереди оставались лишь отдельные оборони-

тельные узлы, и бой мог скоро принять полевой характер; подавлена неприятельская артиллерия, взято в плен свыше 1.400 германцев, и захвачено много пулеметов и всякой добычи. Кроме того, врагу нанесены крупные потери убитыми и ранеными от артиллерийского огня, и можно с уверенностью сказать, что стоявшие против корпуса части временно выведены из строя».

Но пришла ночь...

«Тотчас стали поступать ко мне тревожные заявления начальников боевых участков о массовом, толпами и целыми ротами, самовольном уходе солдат с неатакованной первой линии. Некоторые из них доносили, что в полках боевая линия занята лишь командиром полка, со своим штабом и несколькими солдатами»...

Операция была окончательно и безнадежно сорвана.

...Никогда еще мне не приходилось драться при таком перевесе в числе штыков и материальных средств. Никогда еще обстановка не сулила таких блестящих перспектив. На 19-тиверстном фронте у меня было 184 батальона против 29 вражеских; 900 орудий против 300 немецких; 138 моих батальонов введены были в бой против перволинейных 17 немецких⁵.

И все пошло прахом.

Из ряда донесений начальников можно заключить, что настроение войск, непосредственно после операции, такое же неопределенное, как было.

Третьего дня я собрал командующих армиями и задал им вопрос:

— Могут ли их армии противостоять серьезному (с подвозом резервов) наступлению немцев? — Получил ответ: «нет».

— Могут ли армии выдержать организованное наступление немцев теми силами, которые перед нами в данное время?

Два командующих армиями ответили неопределенно, условно. Командующий 10-й армией — положительно.

Общий голос: «У нас нет пехоты»...

Я скажу более: У нас нет армии. И необходимо немедленно, во что бы то ни стало создать ее.

<...> Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие, а большевики лишь поганые черви, которые завелись в гнойниках армейского организма.

Развалило армию военное законодательство последних 4-х месяцев. Развалили лица, по обидной иронии судьбы, быть может, честные и идейные, но совершенно не понимающие жизни, быта армии, не знающие исторических законов ее существования⁶.

<...> В результате целого ряда законодательных мер, упразднена власть и дисциплина, оплеван офицерский состав, которому ясно выражено недоверие и неуважение.

Высшие военачальники, не исключая главнокомандующих, выгоняются, как домашняя прислуга.

<...> В конечном результате старшие начальники разделились на три категории: одни, невзирая на тяжкие условия жизни и службы, скрепя сердце, до конца дней своих исполняют честно свой долг; другие опустили руки и поплыли по течению; а трети неистово машут красным флагом и по привычке, унаследованной со времен татарского ига, ползают на брюхе перед новыми богами революции так же, как ползали перед царями.

Офицерский состав... мне страшно тяжело говорить об этом кошмарном вопросе. Я буду краток.

<...> В самые мрачные времена царского самодержавия, опричники и жандармы не подвергали таким нравственным пыткам, такому издевательству тех, кто считался преступниками, как теперь офицеры, гибнущие за Родину, подвергаются со стороны темной массы, руководимой отбросами революции.

Их оскорбляют на каждом шагу. Их бьют. Да, да, бьют. Но они не придут к вам с жалобой. Им стыдно, смертельно стыдно. И одиночко, в углу землянки не один из них в слезах переживает свое горе...

Неудивительно, что многие офицеры единственным выходом из своего положения считают смерть в бою. Каким эпическим спокойствием, и скрытым трагизмом, звучат слова боевой реляции:

«Тщетно офицеры, следовавшие впереди, пытались поднять людей. В это время на редуте № 3 появился белый флаг. Тогда 15 офицеров с небольшой кучкой солдат двинулись одни вперед. Судьба их неизвестна — они не вернулись...»

Мир праху храбрых! И да падет кровь их на головы вольных и невольных палачей.

Армия развалилась. Необходимы героические меры, чтобы вывести ее на истинный путь:

1) Сознание своей ошибки и вины Временным правительством, не появившим и не оценившим благородного и искреннего порыва офицерства, радостно принявшего весть о перевороте, и отдающего несчетное число жизней за Родину.

2) Петрограду, совершенно чуждому армии, не знающему ее быта, жизни и исторических основ ее существования, прекратить всякое военное законодательство. Полная мощь Верховному главнокомандующему, ответственному лишь перед Временным правительством.

3) Изъять политику из армии.

4) Отменить «декларацию» в основной ее части. Упразднить комиссаров и комитеты, постепенно изменяя функции последних.

5) Вернуть власть начальникам. Восстановить дисциплину и внешние формы порядка и приличия.

6) Делать назначения на высшие должности, не только по признакам молодости и решимости, но вместе с тем по боевому и служебному опыту.

7) Создать в резерве начальников отборные, законопослушные части трех родов оружия, как опору против военного бунта, и ужасов предстоящей демобилизации.

8) Ввести военно-революционные суды и смертную казнь для тыла — войск и гражданских лиц, совершающих тождественные преступления.

Если вы спросите меня, дадут ли все эти меры благотворные результаты, я отвечу откровенно: да, но далеко не скоро. Разрушить армию легко, для возрождения нужно время. Но, по крайней мере, они дадут основание, опору для создания сильной и могучей армии.

Невзирая на развал армии, необходима дальнейшая борьба, как бы тяжела она ни была. Хотя бы даже с отступлением к далеким рубежам. Пусть союзники не рассчитывают на скорую помощь нашу наступлению. Но и обороняясь и отступая, мы отвлекаем на себя огромные вражеские силы, которые, будучи свободны и повернуты на Запад, раздавили бы сначала союзников, потом добили бы нас.

На этом новом крестном пути, русский народ и русскую армию ожидает, быть может, много крови, лишений и бедствий. Но в конце его — светлое будущее.

Есть другой путь — предательства. Он дал бы временное облегчение истерзанной стране нашей. <...> Но проклятие предательства не даст счастья. В конце этого пути политическое, моральное и экономическое рабство.

Судьба страны зависит от ее армии.

И я, в лице присутствующих здесь министров, обращаюсь к Временному правительству:

Ведите русскую жизнь к правде и свету, — под знаменем свободы! Но дайте и нам реальную возможность: за эту свободу вести в бой войска, под старыми нашими боевыми знаменами, с которых — не бойтесь! — стерто имя самодержца, стертоочно и в сердцах наших. Его нет больше. Но есть Родина. Есть море пролитой крови. Есть слава былых побед.

Но вы — вы втоптали наши знамена в грязь.

Теперь пришло время: поднимите их и преклонитесь перед ними.

<...> Если в вас есть совесть!»⁷

<...> Я кончил. Керенский встал, пожал мою руку и сказал:

— Благодарю вас, генерал, за ваше смелое, искреннее слово.

<...> Через два дня после могилевского совещания, генерал Брусилов был уволен от должности Верховного главнокомандующего. Опыт возглавления русских армий лицом, проявлявшим не только полную лояльность к Временному правительству, но и видимое сочувствие его мероприятиям, не удался.

<...> 19 июля, постановлением Временного правительства, на пост Верховного главнокомандующего был назначен генерал от инфанте-

рии, — Лавр Георгиевич Корнилов... В конце июля совершенно неожиданно получаю предложение Ставки: занять пост главнокомандующего Юго-западным фронтом. Переговорил по аппарату с начальником штаба Верховного, — генералом Лукомским: сказал, что приказание исполню и пойду, куда назначат, но хочу знать, чем вызвано перемещение; если мотивами политическими, то очень прошу меня не трогать с места. Лукомский меня уверил, что Корнилов имеет в виду исключительно боевое значение Юго-западного фронта, — и предположенную там стратегическую операцию. Назначение состоялось. Я простился с грустью со своими сотрудниками и, переведя на новый фронт своего друга генерала Маркова, выехал с ним к новому месту службы.

<...> Новый фронт, новые люди. Потрясенный в июльские дни, Юго-западный фронт мало-помалу начинал приходить в себя. Но не в смысле настоящего выздоровления, как казалось некоторым оптимистам, — а возвращения приблизительно к тому состоянию, которое было до наступления. Те же тяжелые отношения между офицерами и солдатами, то же скверное несение службы, дезертирство и неприкрытое нежелание воевать, не имевшее лишь резких активных проявлений, ввиду боевого затишья, наконец, та же, но возросшая еще более, большевистская агитация, прикрывавшаяся не раз, флагом комитетских фракций и подготовкой к Учредительному Собранию.

Фронт держался. Вот все, что можно было сказать про его положение. Временами вспыхивали беспорядки с трагическим исходом. <...> Предварительные распоряжения и сосредоточение войск, для предстоявшего частного наступления были сделаны, но само производство операции не представлялось возможным, до проведения в жизнь «корниловской программы»⁸ и выяснения ее результатов. И я ждал с великим нетерпением.

<...> Мое появление сразу поставило их в отрицательное ко мне отношение. Комитет Западного фронта, — не замедлил переслать в Бердичев убийственную аттестацию, и на основании ее комитетский орган, в ближайшем же номере, сделал внушительное предостережение «врагам демократии». Я, как и раньше, не прибегал совершенно к содействию комиссариата, а комитету велел передать, что отношения с ним могу допустить только тогда, когда он ограничит свою деятельность строго законными рамками... Фронтовой комитет был не хуже и не лучше других. Он стоял на оборонческой точке зрения, и даже поддерживал репрессивные меры, принятые в июле Корниловым. Но комитет ни в малейшей степени не был тогда военным учреждением — на пользу или во вред — органически связанным с подлинной армейской средой. Это был просто смешанный партийный орган. Разделяясь на фракции всех социалистических партий, комитет по-

ложительно варился в политике, перенося ее и на фронт; комитет вел широкую агитацию, собирал съезды представителей, для обработки их социалистическими фракциями, конечно и такими, которые были явно враждебны политике правительства. Я сделал попытку, ввиду назревающей стратегической операции, и тяжелого переходного времени, приостановить эту работу, — но встретил резкое противодействие комиссара Иорданского. Вместе с тем комитет вмешивался непрестанно во все вопросы военной власти, сея смуту в умах и недоверие к командованию.

На этой почве отношения обострились до того, что комитет и комиссары послали ряд телеграмм, с жалобой на меня военному министру. В них инкриминировалось мне и моему штабу, и удушение демократических учреждений, и поощрение удушающих, и преследование начальников, сочувствующих комитетам, и даже введение телесных наказаний и рукоприкладства. Последние обвинения настолько нелепы, что не стоит опровергать их; в глазах же тех, кто немного хотя бы знал армейскую жизнь, и тогдашние бесправность и забитость русского офицера — это обвинение прозвучит тяжелой и горькой иронией. Одно — несомненная истина, — мое совершенно отрицательное отношение к революционным учреждениям армии.

Ставка молчит. «Корниловская программа» все не объявляется. Несомненно, идет борьба. Есть еще надежда на благоприятный исход ее в Петрограде. Но как пойдет проведение ее в жизнь? Какое противодействие встретит она на фронте — в войсках, в комитетах? Я пригласил к себе командующих армиями (в середине августа). <...> Беседовали весь день. Ознакомился с их оценкой положения на фронте, и в свою очередь, учитывая возможность крупных осложнений с войсками, и с комитетами, с момента объявления «программы», ознакомил их с ее сущностью, и предложил обдумать меры, к возможно успешному ее проведению.

В сущности, для противодействия какому-либо выступлению против командования ни у кого из нас не было реальной вооруженной силы. Даже в Бердичеве, штаб и главнокомандующий охранялись полубольшевистской ротой и эскадроном ординарцев — прежних полевых жандармов, которые теперь, — из-за одиозного наименования, — старались всеми силами подчеркнуть свою «революционность». Марков, в начале августа, ввел в состав гарнизона 1-й Оренбургский казачий полк, что впоследствии, послужило главнейшим пунктом обвинения нашего в подготовке «вооруженного мятежа». С этой же целью — избавиться от неприятного соседства со всем этим распущенными, и развращенным гарнизоном Лысой горы, разгрузить переполненный Бердичев, и освободить от нервирующего соседства

со штабом фронтовой комитет, было предположено в начале сентября, перевести штаб фронта в город Житомир. Там квартировали два юнкерских училища, лояльно настроенные в отношении правительства и командования.

Я откладывал свой объезд войск, все еще не теряя надежды на благоприятный исход борьбы, и обнародование «корниловской программы». С чем я пойду к солдатам? С глубоко запавшей в сердце болью, и со словами призыва «к разуму и совести», скрывающими бессиление, и подобными гласу вопиющего в пустыне? Все это уже было и прошло, оставив только горький след. И будет вновь: мысль, идея, слово, моральное воздействие, никогда не перестанут двигать людей на подвиг; но что же делать, если заглохшую, заросшую чертополохом целину надо взрыхлить железным плугом?.. Что я скажу офицерам, со скорбью и нетерпением ждущим окончания, — последовательного и беспощадного, — процесса медленного умирания армии? Я мог ведь сказать только: если правительство не пойдет на коренное изменение своей политики, то армии — конец. <...>

Было ясно, что история русской революции входит в новый фазис. Что принесет он? Многие часы делились своими мыслями по этому поводу — я и Марков. И если он, нервный, пылкий, увлекающийся, постоянно переходил от одного до другого полярного конца через всю гамму чувств и настроений, то мною овладели также надежда и тревога. Но оба мы совершенно отчетливо видели и сознавали фатальную неизбежность кризиса. Ибо большевистские или полубольшевистские советы — это безразлично — вели Россию к гибели. Столкновение неизбежно. Есть ли там, однако, реальная возможность или только... мужество холодного отчаяния?..

102. Н. М. КИСЕЛЕВСКИЙ:

КОМАНДУЮЩИЙ
Х-ой АРМИЕЙ
Г. Л.¹
Ан. Ив. Деникину
Главнокомандующему
Армиями Западного фронта
14 июня 1917 г.
№ 6116

М. Г.²
Антон Иванович!

<...> Перед Русской Армией лежит задача силою, оружия заставить противника принять такие условия мира, которые устами Временного Правительства поставил Русский народ. В частности, моя армия должна переходом в наступление осуществить ту часть этой задачи, которая выпадает на вверенный Вам фронт. Наступление, повсеместно диктуемое общими условиями стратегической обстановки, необходимо с точки зрения единства фронта и союзных обязательств должно решить вопрос не только о военном успехе или неудачи на том или другом участке фронта. При переживаемых условиях внутренней жизни России и предстоящее наступление приобретает значение вопросов огромной государственной важности. Быть может — это последняя ставка, решающая вопрос о том, действительно ли Россия так могущественна, что способна защитить свое право на свободное существование в ряду Великих Держав Европы. Если это верно, если это действительно последнее усилие, после которого Россию ждет или широкое осуществление заветных стремлений народа к свободе и праву ли окончательный внутренний развал и зависимое от других держав сосуществование — то есть шансы на успех операции должны быть подсчитаны со всей возможной точностью.

В настоящее время главной данной, от которой зависит успех или неудача, является настроение войск. При посещении моей армии Вы сами изволили видеть некоторые части, о боевой пригодности которых говорить вовсе не приходится; из подробных ежедневных донесений Вам известно, насколько настроение войск, предназначенных для атаки, заставляет сомневаться не только в том, пойдут ли они в атаку, но даже выполняя ли приказ о занятии исходного положения... Настроение, в котором теперь находится пехота, крайне вредно отражается на инженерной подготовке наступательной операции, нарушая все расчеты. Из предъявленных Вам ведомостей Вы изволили усмотреть, что при том успехе работы, которую дают теперь войска, успеть закончить подготовку к назначенному сроку 3* нельзя.

Вся переживаемая войсковая разруха разворачивающим образом отразилась на ведении занятий. Систематического обучения пехоты атакам на укрепленные позиции в последнее время почти нет, так как у начальников нет способов заставить солдат выходить на занятия. В артиллерийском отношении операция обеспечена удовлетворительно, хотя уменьшение числа крупнокалиберных орудий весьма существенно отзовется на успех артиллерийской подготовки и может даже потребовать удлинения подготовки операции на сутки.

* Было назначено тогда 22 июня (примечание Н. М. Киселевского. — Г. И.).

Таким образом, успех операции зависит главным образом, от того, пойдут ли в атаку пехотные солдаты или не пойдут. Настроение сегодняшнего дня дает возможность надеяться, что пойдут почти все части 38 корпуса, 1-я сибирская и часть 2-й сибирской дивизии. Каково будет настроение через 8 дней — сказать нельзя.

<...> Оценивая весь ужас такого признания, я принужден идти еще дальше: какова же ценность таких войск, на которые можно рассчитывать не потому, что, сознавая свой долг перед Родиной, они пойдут в бой, слепо веря своим вождям, или хоть по привычке повиноваться, а только потому, что может быть («авось») в решительную минуту у них появится желание атаковать? Командиры и офицеры, в большинстве исполняя свой дол, и пойдут в бой даже и без солдат, если этого от них потребуют; но каков будет их нравственное состояние, каков их личный порыв, если у них не будет уверенности, что солдаты пойдут за ними? А ведь для такой уверенности у них в большей части полков пока еще нет данных. Какого повиновения в бою можно ожидать от войск, познавших сладость безнаказанного грубого неповиновения, который за неделю до боя не желали исполнить и не исполнили простого приказания перейти из одной деревни в другую; от солдат, которые за неделю перед тем заставляли офицеров удаляться с митингов только потому, что они дерзали говорить о необходимости наступления, а удалявшихся провожали площадной бранью и угрозой штыками?

<...> А между тем успех так настоятельно необходим не только в общих интересах, но и для самой армии. Только успех может возродить армию, восстановить доверие к вождям веру в великое значение наступления и вернуть армии ее былую мощь. Наоборот, неудача окончательно подорвет веру в вождей, дискредитирует наступление, будет причиной дальнейшего развала армии, закончится насилиями над офицерами и командирами, которым будут поставлены в вину все неудачи.

<...> Быть может, общая обстановка политическая и стратегическая такова, что намеченная операция должна быть выполнена во что бы то ни стало, что осуществление ее необходимо даже в том случае, если бы надежды на наступательный порыв пехоты не увеличились, что рискнуть ею надо было даже в предвидении ею полной неудачи. В таком случае, конечно, никаких разговоров быть не может и все чины армии, сохранившие сознание долга перед Родиной, свой долг выполнить. Но если успех или неудача это операции могут отозваться на дальнейших судьбах России, то позволительно ли ее предпринимать, зная, что успех ее в большей степени зависит от того «авось», размер которого не поддается никакому учету?

С тяжелым чувством пишу Вам это письмо; но я пришел к сознанию необходимости довести до Вашего сведения не только фактические данные о состоянии армии и ход ее подготовки к операции, но и мои личные выводы из оценки этих данных. Я позволяю себе повторить, что побуждает меня к этому только глубоко осознаваемые мною ответственность перед Отечеством, Временным Правительством и Вами, от которых я не могу скрывать горькую для меня правду — и моя горячая любовь к Родине.

Считаю себя обязанным доложить также, что содержание этого письма неизвестно никому из моих подчиненных.

Уважающий Вас
Покорный слуга

Николай Киселевский

103. Я. М. ЛИСОВОЙ:

<...> Это полки пех. дивизий идут на смотр и очередное «уговаривание», которое сегодня должен по расписанию произвести их новый вождь Керенский. Среди лиц, непосредственно следующих за Керенским, внимание привлекала сумрачная фигура генерала <...>: сурово нахмуренные брови, черные усы и остроконечная с большой проседью бородка, набекрень фуражка — и до безукоризненности правильное держание руки под козырек, которому мог бы позавидовать портупей-юнкер — таков был внешний его облик... Сумрачные глаза из-под суровых бровей испытующе разглядывали стоявших солдат <...> и один Бог знает, чего ему стоило пережить и все эти свершающиеся события, и этот единственный своего рода «парад» и многое другое, чему, чему он был свидетелем; но ничем за все время не выдал себя генерал и только легкое дрожание усов, да иногда большее нахмуривание бровей показывали всем его настроение. Это был — Деникин, главнокомандующий арм. зап. фронта.

«Деникин», шепотом передавили офицеры дивизии. <...>

«Деникин, — кто-то громко спросил сзади меня, — тот самый?» <...>

Да, это был тот Деникин, который всколыхнул душу офицера своей простой безыскусственной речью на съезде <...>; понял тогда офицер, что он из тех, кто не потеряет «твердого курса»... Обход кончился... Но вот на поляну въезжает подвижная трибуна-автомобиль Керенского, из него будут нестись слова увещевания и уговоров. <...> Генерал Деникин отходит далеко в сторону. И снова раздается в неподвижном воздухе:

— Товарищи!.. Неужели вы теперь не дадите уверенности врем. правительству, что раз начатое дело будет доведено до конца... Могу ли

я заверить вашего главнокомандующего, могу ли я дать ему слово, что вы все, как один, пойдете туда, куда он вас поведет?

При этих словах ген. Деникин отдался от дерева и чутко насторожился. <...> Можно, передавайте, пойдем — снова понеслось в ответ, но уже, как будто меньше было уверенности в этом ответе, как будто боле жидкой была волна голосов. «Генерал, — повернувшись лицом к Деникину продолжал Керенский, — я вам даю слово, что по первому вашему приказу, все ваши солдаты пойдут за вами, куда бы вы их не повели» — и с этими словами Керенский протянул руку для пожатия.

Уже при первых слова обращения генер. Деникин выпрямился и безукоризненно взял под козырек, увидя протянутую руку, он медленными шагами спокойно стал подходить к автомобилю держа руку под козырек, а Керенский продолжал стоять с протянутой рукой; одно мгновенье, только одно мгновенье близ находящиеся испытали чувство неловкости; испытал его по-видимому и Керенский и чтобы скрыть его, вновь обратился к солдатам; «Так ведь, товарищи?!» «Так, так», — загудели передние и только из одной стороны раздались как бы протестующие голоса. <...> Словно насильно разгибаясь в локте, отделилась рука генер. Деникина от козырька и соединилась с вновь протянутой через автомобиль рукой Керенского <...> и опять генерал отошел на свое прежнее место — к дереву. <...>

104. Д. Н. ТИХОБРАЗОВ:

Не удивительно, что нервы Керенского не выдержали. От волнения, моя рука тряслась настолько, что я ни одной буквы больше вывести не мог, как будто сильный электрический ток, проходя по руке, заставил мои мускулы содрогаться. У министра иностранных дел М. И. Терещенко¹ из глаз катились слезы. А Деникин все громил и громил. <...>

105. А. Ф. КЕРЕНСКИЙ:

Боевые действия на фронте, где находились части под командованием генерала Деникина, должны были начаться в первых числах июля. <...> Если бы генерал Деникин не поддался пессимизму и не бросил 10 июля фронт, вернувшись в свой штаб в Минске, быть может, те несколько дней, когда « положение казалось крайне серьезным», не пришли бы к такому неожиданному концу. Не было ничего постыдного в том, что русские солдаты, среди которых было немало

не нюхавших ранее пороху новобранцев, не смогли удержать свои позиции и отразить натиск германских дивизий, пустивших в ход отравляющие вещества и тяжелую артиллерию.

<...> В начале августа на Юго-Западный фронт прибыл генерал Деникин. Взгляды только что назначенного на пост командующего фронтом¹ генерала мало чем отличались от взглядов Корнилова. С тех дней оба они резко изменили свое отношение к комиссарам и военным комитетам. Командиры, которые считали для себя обязательным сотрудничество с комиссарами и комитетами, встречали холодный прием и замещались твердолобыми сторонниками старого режима.

<...> Огромное несоответствие между словами нового Верховного главнокомандующего и реальным поведением Деникина и его единомышленников в действующей армии особенно бросалось в глаза на фоне усилий начальника штаба Корнилова генерала Лукомского, который всячески стремился укрепить боеспособность Северного фронта. Деникин и симпатизирующие ему высшие офицеры, которые, без сомнения, были истинно русскими патриотами, судя по всему, хотели любой ценой подорвать моральный дух и восстановленную дисциплину в армии, нанести ущерб доверию солдат к офицерскому составу.

Как могли они так поступать, когда и Верховный главнокомандующий, и высшие офицеры прекрасно знали, что германское Верховное командование готовится к наступлению на Северном фронте в районе Риги? Был ли хоть какой-нибудь здравый смысл в их систематической клеветнической кампании против комиссаров и комитетов, которая велась и на митингах, и в прессе, и в официальных сводках Ставки? И даже если в этом и была хоть капля здравого смысла, то можно ли было поднимать такой шум, когда в пределах слышимости находится противник, готовящийся к наступлению? И почему Северный фронт в те трагический недели усилиями высшего командования русской армии был намеренно поставлен под угрозу?

106. А. А. БРУСИЛОВ:

Вновь назначенный главнокомандующий Западным фронтом Деникин донес мне, что вновь сформированная 2-я Кавказская гренадерская дивизия выгнала все свое начальство, грозя убить каждого начальника, который вздумал бы вернуться к ним, и объявила, что идет домой. Я приехал в Минск, забрал там Деникина, дал знать этой взбунтовавшейся дивизии, что еду к ней, и приехал на автомобиле. В то время солдатская масса верила, что я друг народа и солдата

и не выдам их никому. Дивизия вся собралась без оружия, в относительном порядке, дружно ответила на мое приветствие и с интересом слушала мои прения с выбранными представителями дивизии. В конце концов, дивизия согласилась принять обратно свое начальство, обещала обронять наши пределы, но наотрез отказалась от каких бы то ни было наступательных предприятий. Совершенно то же я прошел и в I Сибирском армейском корпусе. Таких случаев было много, и неизменно оканчивались они теми же результатами.

<...> Керенский вторично приехал в Ставку с требованием, чтобы я изложил мой план дальнейших действий на совещании, которое должно было у меня состояться по его настоянию. <...> Я заявил, что никаких новых требований войскам не предъявлял и что решение действий на фронтах было установлено было установлено ген. Алексеевым, но что в общем я убежден, что никаких предприятий мы не в состоянии начать и что в лучшем случае мы удержимся на местах. Тут неприличная схватка Деникина и Керенского поглотила все остальные вопросы и оставила чрезвычайно тяжелое впечатление на всех присутствовавших.

107. А. И. ДЕНИКИН:

Твердо верю, что в победе над врагом — залог светлого бытия земли русской. Накануне наступления, решающего судьбы Родины, призываю всех, в ком живёт чувство любви к ней, выполнить свой долг. Нет другого пути к свободе и счастью Родины.

108. <А. И. ДЕНИКИН:>

<...> На окраине селения меня ждал не построенный полк, а толпа стоящих и сидящих солдат. Без оружия, без поясов, многие босы или без фуражек с папиросами в зубах. Эта одичалая толпа почти не отвела на мое приветствие. Заставить выслушать всех мешал общий гул и дикие отдельные выкрики. Пришлось говорить лишь с ближайшими, стараясь уяснить себе настроения солдат. Нет возможности передавать вопросы и ответы этих сбитых в банду людей. Всяческие напоминания о долгге перед Родиной, повиновении начальству, Временному правительству, министру Керенскому вызывали или бурю негодования, или бессмысленную полуругань, полуиздевательство. Перестали верить всем, не верили сами себе. О наступлении говорили почти с яростью, уверяя, что все это выдумало начальство, которое хочет всех погубить.

Во время моих уговоров о необходимости наступать раздавались крики, кто хочет, пусть наступает, а мы не пойдем. Эти крики подхватились дружно возбужденной толпой. Картина полного разложения полка была очевидной с первых же минут разговора с ними... В этой банде большевиков было делать нечего...

<...> Главкозап сообщил Главковерху, что картина жизни и службы армии удручающая. Никакие причины, конечно, не снимают нравственной ответственности перед Родиной с нас, с начальников.

«...Но стократ будет ужаснее и беспощаднее приговор истории над теми, кто, взяв в руки власть, не обрушил всей силы ее, всей беспощадности, на сеющих анархию за немецкий счет».

109. С. Л. МАРКОВ:

Успех перволинейных батальонов — результат обычной артподготовки; главная причина неудач — малый подъем духа войск, ряды бойцов редеют быстро не только от огня, но и от разбегающихся. <...>

110. А. И. ДЕНИКИН:

<...> ...Призываю всех чинов, в ком не погасла любовь к Родине, стать крепко в защиту русской государственности и отдать свой труд, разум и сердце делу возрождения армии. Поставьте эти два начала выше политических увлечений, партийной нетерпимости и тяжких обид, нанесенных многим в дни безумного угара, ибо только во всеоружии государственного порядка и силы мы превратим «поля позора» в поля славы и через тьму анархии приведём страну к Учредительному Собранию.

111. М. ГРЕЙ:

30 июля, на другой день после «исторической конференции»¹, Брусилов был смешен, его заменил командующий Юго-Западным фронтом генерал Корнилов. Деникин должен был покинуть Минск и принять командование Юго-Западным фронтом в Бердичеве.

17 (30) августа 1917.

«Борьба продолжается. Открытая, тяжелая, в которой нервы напрягаются до последней крайности и чувствуется страшная усталость. Мне тяжело».

29 августа (11 сентября) 1917.

«Родная моя, начинается новый катастрофический период русской истории.

Бедная страна, опутанная ложью, провокаторством и бессилием.

О настроении своем не стоит говорить. «Главнокомандование» мое фиктивно, так как находится под контролем комиссаров и комитетов.

Невзирая на такие невероятные условия, на посту своем останусь до конца.

Физически здоров, но сердце болит и душа страдает.

Конечно, такое неопределенное положение долго длиться не может. Спаси Бог Россию от новых смертельный потрясений.

Обо мне не беспокойся, родная: мой путь совершенно прям.

Храни Тебя Бог.

А. Деникин»

Едва Деникин отправил это письмо, как вместе со своими основными подчиненными был «смещен» комиссарами и брошен в тюрьму². <...>

112. Д. В. ЛЕХОВИЧ:

Генерал М. В. Алексеев, бывший тогда «не у дел», внимательно следил за тем, что происходило на фронте генерала Деникина. В дневнике Алексеева от 10 июля встречается следующая запись:

«На Западном фронте у Деникина после усиленной артиллерийской подготовки первая линия неприятельских укреплений взята, почти без боя захвачена тысяча пленных. Но после этого негодяи-«товарищи» вернулись в свои окопы, отказавшись от новых трудов по укреплению и оборудованию новой позиции». В записи того же дня у Алексеева имеется другая мрачная заметка: «Развал в наших войсках развивается; имеются сведения, что в некоторых частях офицеры перебиты руками своих же мерзавцев солдат. Сегодня получено донесение, что в одной из дивизий убит своими начальник штаба дивизии».

<...> 16 июля по инициативе Керенского в Ставке был созвано совещание главнокомандующих и министров, чтобы, выяснив состояние фронта после разгрома, формулировать направление новой военной политики. Настроение у собравшихся было нервное и напряженное. Первое слово предоставлено было генералу Деникину. Доклад его, касаясь мероприятий, приведших армию к развалу, острением своим направлен был против новой власти и нового премьера. Генерал Деникин дал картину того, как готовилось наступление на его фронте. <...>

Речь Деникина становилась все сильнее и сильнее. Она обращалась уже лично к новому министру, председателю и военному министру. Нервное напряжение среди присутствовавших достигло своего апогея. Керенский не мог уже смотреть Деникину в глаза. Склонившись над столом, он опустил голову на лежавшие на столе руки. В таком положении оставался он до конца деникинского доклада. В своем дневнике генерал Алексеев записал: «Если можно так выразиться, Деникин был героем дня». В целях сохранения «военной тайны», речь генерала Деникина не была приведена в газетах. Но содержание ее не могло оставаться в секрете. Слишком большое впечатление произвела она на тех, кто ее слышали.

Гражданское мужество Деникина, не боявшегося резать правду в глаза, выдвигало его в первые ряды открытой оппозиции к безответственным действиям Временного правительства и главы его — Керенского. Но в речи Деникина не было и тени каких-либо реставрационных вожделений или «будущей военной реакции». Был лишь протест против отсутствия борьбы с разрушительными силами надвигавшейся анархии; давалась также суровая формула тех мер, которые, в понятии Деникина, могли вернуть армии ее боеспособность.

<...> Деникинское командование Юго-Западным фронтом длилось меньше месяца. Масштаб событий, разыгравшихся в конце августа, заслонил в памяти Антона Ивановича рутину его жизни за это время. И тем не менее среди его неопубликованных бумаг сохранилась одна запись о занятном происшествии:

«Однажды в большой праздник я пошел к обедне в городской собор (в Бердичеве). Полно молящихся, яблоку упасть, как говорится, некуда. Я с адъютантом — в самой гуще. Появление главнокомандующего произвело среди причта впечатление. Из алтаря выходит староста и, расталкивая народ, несет... коврик под ноги. Это в разгар революции и демократизации! Два слова адъютанту — коврик уносят. Через несколько минут опять проплывается староста, что-то шепчет адъютанту.

В чем дело?

Имя узнавал.

Скажите ему, чтобы оставил меня в покое.

Опять просит пройти на клирос — тесно уж очень. Ну, это действительно удобнее. Стал на правом клиросе. Большой выход... После “Державы Российской и благоверного правительства ее” один из священников, повернувшись лицом к правому клиросу и сделав поклон, против устава обычая возглашает:

— Господина командующего Юго-Западным фронтом, раба Божия Антония, да помянет Господь Бог во царствии своем ныне и присно и во веки веков.

Переконфузило (меня) совсем».

113. Г. М. ИППОЛИТОВ:

Приняв под главное командование армии Западного фронта, генерал Деникин... воочию, а не по сводкам штаба Ставки, столкнулся с таким явлением, как митинговая демократия. 169-я пехотная дивизия, например, на митинге приняла резолюцию против наступления, считая его изменой лозунгам «провозглашенным революционной демократией».

<...> Главкозап непрерывно анализировал поступающую информацию, осознав сложность обстановки, он не паниковал, а действовал последовательно и настойчиво, не терял оптимизма. 30 июня 1917 года за 20 дней до начала наступления Главнокомандующий армиями Западного фронта отдал приказ войскам, который был напечатан в газетах. Подобный приказ — жест отчаяния глазкозапа, который был бессилен двинуть войска в наступление, облегчив тем самым положение соседей. Генерал Деникин, знаток стратегии, пошел даже на элементарное нарушение условий скрытности операции. Он рассчитывал столь неординарным поступком удержать немецкие дивизии, снимаемые с фронта и отправляемые против Юго-Западного фронта и союзников. Если, с точки зрения законов ведения войны, генерал совершил воинское преступление, то, учитывая положение дел в стране и на фронте, в войсках, он совершил отчаянно смелый акт гражданского мужества.

22 июля 1917 г. в 7 часов войска ударной группы под прикрытием мощного огня артиллерии перешли в наступление. Начало было обнадеживающим: сломили сопротивление противника, прорвав линию его обороны... Но успех был утрачен. Началось дезертирство. Солдаты многих частей поодиночке, группами, целыми ротами уходили с позиций, захваченных у противника, считая, что свои задачи они выполнили... Судьба фронта была предрешена, и Деникин понял это через три дня после начала наступления.

<...> Потерпев тяжелое поражение, Деникин осмысливает случившееся, анализируя причины и следствия катастрофы. Главную причину он видит, *и вполне обоснованно*, в том, что войска разложились, моральный дух офицеров и солдат упал. В этом генерал обвиняет Временное правительство, которое дилетантской политикой в военном строительстве создало условия для гибели армии. Подтверждение его правоты — поражение войск Западного фронта при превосходстве над противником в силах и средствах.

Обдумывая свое поражение, Деникин выдвинул и ряд дискуссионных положений. Он утверждает, что июльская трагедия, несомненно,

произвела на солдат несколько отрезвляющее впечатление. Они почувствовали какую-то власть, какой-то авторитет и поэтому несколько присмирили, заняв выжидательное положение. Главкозап подметил также, что прекращение серьезных боевых операций и вечно нервного напряжения «вызывало временную реакцию, проявившуюся в некоторой апатии и несопротивлении»... Я думаю, то, что солдаты стали чувствовать больший авторитет офицеров — следствие субъективного отражения объективной реальности генералом как непосредственным участником событий. Оно не лишено оснований. Относительно тезиса об углублении апатии среди войск заметим, что психологически все обосновано. Спало напряжение, нет активных боевых действий.

Вскоре после своего фиаско Деникин был назначен главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта. Должность освободил генерал Корнилов, назначенный верховным главнокомандующим. Но как военачальник Антон Иванович не смог здесь себя проявить, так как в этой должности находился короткое время и занимался рутинной работой по восстановлению боеспособности изрядно потрепанных войск. Кроме того, вскоре началось корниловское выступление.

Итак, перед нами Деникин — военачальник-неудачник. Но здесь не вина его, а беда: русская армия в ходе революции 1917 года быстрыми темпами шла к своему концу. Однако нельзя утверждать, что генерал Деникин не приобрел никакого опыта. Отрицательный результат — это тоже результат.

114. Ю. А. ПОЛЯКОВ:

Летом политическая обстановка в стране все более накаляется, а позиция Деникина становится все более жесткой. На известном совещании, созванном Керенским в Ставке 16 июля, Деникин бросил прямой вызов Керенскому, призвав поднять втоптанные в грязь знамена и преклониться перед ними. Керенский, следуя своей обычной тактике лавирования, не поднял брошенной перчатки. Он отступил и уступил. В ночь на 19 июля он назначил Корнилова Верховным, сместив Брусилова. Корнилов занял высший военный пост в России, оставив должность главнокомандующего Юго-Западным фронтом, где он пробыл 12 дней. На смену Корнилову на Юго-Западный фронт пришел не кто иной, как Деникин. Уступками Керенский не заслужил благоволения генералов. Алексеев телеграфировал Деникину — уже на Юго-Западный фронт — о том, что он готов действовать, ибо «главный болтун России» по-прежнему ничего не делает. Заговор назрел...

115. Г. М. ИППОЛИТОВ, В. Г. КАЗАКОВ, В. В. РЫБНИКОВ:

Конечно, можно упрекнуть А. И. Деникина в отсутствии таланта военачальника. Однако если бы он командовал нормальными войсками, а не уставшими от войны, во всем разуверившимися солдатами и офицерами, разлагающимися под воздействием пропаганды социалистических партий и дилетантской политики Временного правительства в военном строительстве, то, можно предположить с большой долей вероятности: генерал смог бы реализовать свое колоссальное преимущество в силах и средствах и развить первоначальный успех. Кроме того, нельзя не отметить, что в провале летнего наступления Западного фронта сыграло свою негативную роль следующее обстоятельство: генерал А. И. Деникин был вынужден в подготовительный период основные усилия сосредоточить на локализации разложения войск, а не на оперативно-стратегических проблемах.

116. А. Г. КАВТАРАДЗЕ:

...9 июля войска 10-й армии Западного фронта перешли, наконец, в наступление в общем направлении на Вильно. Используя эффективные результаты артиллерийской подготовки, они вначале достигли некоторого успеха, но затем под ударами противника (на правом фланге) и самовольно (на левом) вернулись на исходный рубеж, а на одном участке фронта, в районе Новоспасского леса (севернее Молодечно), противник даже вклинился в их расположение. На следующий день 1-й женский ударный батальон под командованием прапорщика М. Бочкиревой^{1}, введенный в бой на участке 1-го Сибирского корпуса, выбил прусский ландвер из занятых им накануне позиций у Новоспасского леса. На этом наступление Западного фронта закончилось. За два дня боев 10-я армия потеряла до 40 тыс. человек, что составляло около половины всех введенных в сражение войск...

117. Г. М. ИППОЛИТОВ, Л. Ф. ВАСИЛЬЕВА:

...Из донесения комиссара Юго-Западного фронта и фронтового комитета Временному правительству видно, что революционная фронтовая демократия была крайне обеспокоена деятельностью генерала А. И. Деникина. Она квалифицировала ее как опасную для Временного правительства, лично для А. Ф. Керенского.

118. А. Е. РАБИНОВИЧ:

16 июля Керенский... встретился в Ставке в Могилеве с представителями русского высшего военного командования... Самую длинную и взволнованную речь произнес генерал Деникин, энергичный, молодой, отмеченный многими наградами герой начального этапа войны, который вслед за обвинениями в адрес Керенского и жалобами на положение, сложившееся в армии после Февральской революции, выдвинул целый ряд категорических, одобренных большинством его коллег требований, которые правительству надлежало тотчас же провести в жизнь... По сравнению с докладом надменного Деникина отчет Корнилова совещанию был сравнительно мягким... О том, что Корнилов в основном думал так же, как и Деникин, свидетельствовала телеграмма, посланная Корниловым Деникину сразу же после получения текста выступления последнего. В телеграмме, в частности, указывалось: «Под таким докладом я подписываюсь обеими руками»...

2.4. Политический гладиатор: выход на арену**119. А. И. ДЕНИКИН:**

В первых числах апреля среди офицеров Ставки возникла мысль об организации «Союза офицеров армии и флота». Невзирая на все препятствия, офицеров-представителей съехалось в Могилев более 300; из них 76% от фронта, 17% от тыловых строевых частей и 7% от тыла¹. 7 мая съезд открылся речью Верховного главнокомандующего. В этот день впервые, не в секретных заседаниях, не в доверительном письме, а открыто, на всю страну верховное командование сказали: «Россия погибает»... Как бы в дополнение слов Верховного главнокомандующего, я в своей речи, касаясь внутреннего положения страны, говорил:

«...В силу неизбежных исторических законов пало самодержавие, и страна наша перешла к народовластию. Мы стоим на грани новой жизни, страстно и долгожданной, за которую несли головы на плаху, томились в рудниках, чахли в тундрах многие тысячи идеалистов.